

1. Встреча в домике на улице Ленина

Что может быть хуже пригородного автобуса? Точнее, ржавой колымаги, набитой скверно пахнущими огородниками в засаленных брезентовых куртках и сапогах до колен... Катерине посчастливилось захватить пустующее место в хвосте салона старого ПАЗика — там удобнее всего держать гитару.

С гитарой она никогда бы не рассталась, а теперь тем более. Как говорится, помирать — так с музыкой.

Ехать не так уж и далеко... Главное — не прохлопать свою остановку.

Конечно, она заранее выучила маршрут. И правильно сделала, потому что водитель остановок не объявлял, а прочесть название на очередной кирпичной или железной коробочке не всегда удавалось: то надпись облупилась до полной неразборчивости, то её, надписи, просто не было. Оставалось лишь считать про себя: «Одну проехали, осталось восемь. Ещё одну — осталось семь...»

Катерина не боялась того, что ждёт её там, в финале короткого путешествия. Хуже уже не будет.

Оставался маленький шанс, что всё это — чья-то дурная шутка. А дурными шутками её уже не удивишь.

Мыслей особых не было. Этот автобус подавил напроць всю мозговую деятельность, настроив Катерину, помимо её воли, на общую для всех пассажиров волну. Вот о чём думает эта старуха с мрачным лицом? Что молодёжь пошла испорченная? Или что тарифы ЖКХ повысились? И она сидит, мысленно повторяя одно и то же, снова и снова... Это какая-то форма медитации, только со знаком минус. И весь этот гроб на колёсах так медитирует. Вот и хорошо, а то её бы замучили

тяжкие размышления и бесплодные попытки понять, что же происходит.

Время быстро прошло. Вот и её остановка.

Почти никто не выходил, пришлось срочно протискиваться, прижимая к себе гитару.

Ух, наконец-то свежий воздух... А вокруг — деревня деревней. Бревенчатые домики, дощатые сараи, покосившиеся заборы. Грязь и лужи.

— Катя? Это ты?

Не веря своим ушам, Катерина резко обернулась. Она прекрасно знала этот голос.

Так и есть — Юля.

— Докатилась, да? — однокурсница сконфуженно улыбнулась. — В буквальном смысле... Езжу бок о бок с народом.

Видимо, вышла из того же автобуса.

— А ты как здесь? — спросила Катерина.

— Ой, не спрашивай. Надо. По работе, — добавила Юля, будто спохватившись.

— Что же это за работа такая?

— Тебе лучше не знать. И вообще, Кать, давай без лишних вопросов.

Катерина с этим мысленно согласилась.

Они шагали в одном направлении.

— Где тут вообще названия улиц написаны? — Юля сердито крутила головой. — Деревня, блин.

Катерина решила спросить:

— Улица Ленина, дом 3?

Юля замерла:

— Откуда ты знаешь?

Катерина молча протянула ей сложенный пополам листок бумаги.

Пробежав его глазами, Юля несколько раз кивнула.

— Так. Ясно. Значит, мы с тобой в одной лодке?

Она тоже достала клочок бумаги. Ещё не посмотрев на него, Катерина уже знала, что там написано.

То же самое, что у неё.

— Даже не спрашиваю, за что тебе такое счастье и какая у тебя тайна. Каждого человека можно посадить на десять лет, и он будет знать, за что. Меня сейчас другое волнует. Есть идеи, от кого это? — спросила Юля.

— Никаких.

— Врёшь!

— Вру. Я была уверена, что это один человек... Ты его знаешь, но не лично. А он тебя точно не знает. И если ты здесь — то это точно не он.

— Я знаю, он знает... чего? Не надо говорить загадками. Ладно, не он так не он.

Вот и таблички на домах появились. Да и сами дома стали новее и опрятнее. Уже не кособокие сараюшки местных жителей, а дачи городских.

А вот и номер три по улице Ленина. Симпатичный одноэтажный особнячок, к которому ведёт дорожка из брусчатки. Теперь, когда он оказался уже так близко, их обеих охватило ощущение, будто они движутся навстречу чему-то ужасному.

— Постучим? — Катерина кивнула на металлическую дверь.

Юля молча дёрнула за ручку.

— Открыто. Нас ждут.

И вошла первой, чем удивила Катерину. Они хоть и не дружили, но были знакомы не первый день. Юля всегда казалась преуспевающей, самоуверенной, порой самонадеянной, но в её лихости сквозило отчаяние.

Маленькая полутёмная прихожая.

Дверь, ведущая в гостиную.

В гостиной — бар, камин, кресла и огромный диван. На диване, в изящной позе, сидела незнакомая девушка в тёмных очках, будто сошедшая с разворота мужского журнала, и что-то пила маленькими глоточками из высокого бокала.

— Добрый вечер, девочки... — томно произнесла она.
— Добрый! — неприветливо ответила Юля. — Вы кто?
Это вы написали?

Она взмахнула запиской, как белым флагом.

— Если вы об этом, то нет, — девушка поставила бокал, чтобы выудить из сумочки бумажку. Усмехаясь, прочла: «Я знаю твою тайну».

— Ну, может, мы знаем вашу тайну... — у Юли не поворачивался язык обращаться к этой диве на «ты».

— Нет, не знаете, — свысока произнесла красавица. — Как и я — твоей, Юля. И тем более твоей, Катя.

Девушки переглянулись.

— То есть мы всё-таки знакомы? — уточнила Катерина.

— Заочно. Я Лика.

— То есть нас трёх сюда пригласил независимо друг от дружки какой-то тайный не-обожатель? — сказала Юля.

— Четырёх, — поправила Лика. — На столике стояли четыре бокала. Кстати, шампанское ничего так, угощайтесь.

— Где четвёртая?

— Ждём...

Через пятнадцать минут в дверь позвонили. Коротко нажали на кнопку — и тут же отпустили, словно передумали заходить.

— Войдите! — крикнула Юля.

— О, и Вероника здесь... — прокомментировала Лика, когда дверь гостиной открылась.

— Мы разве знакомы? — удивилась вошедшая. Посмотрела на Юлю с Катериной и добавила: — Девчонки, привет... Юлька! Вы тоже здесь?

Все взгляды устремились на Веронику.

— Да. Тоже получили таинственные послания, — Юля сделала упор на слово «таинственные». Вскочила, чтобы обнять подругу: — Проходи, садись.

Прошло ещё десять минут.

— И что дальше? — спросила Катерина.

— Без понятия, — огрызнулась Юля. — Кто-то очень хотел нас здесь собрать. И собрал. Наверное, сейчас наш ход. Будем думать, да?

— Ой, девчонки, кажется, у нас появился лидер! — Лика мелодично засмеялась. — Или как сейчас модно говорить? Лидерка?

— Я не против, — бросила Юля. — Тогда Ника будет мозговым центром.

— Почему это?

— Ты же психологом работаешь!

— Да, работаю... — Вероника помолчала, собираясь с мыслями. — Итак, что мы знаем... Кто-то прислал нам записки с одной фразой: «Я знаю твою тайну». Дальше время и место встречи, но это уже неважно... Важно то, что мы все здесь. Это значит, что тайна у всех нас действительно есть...

— Да не может быть! — съязвила Юля.

— ...И мы боимся, что её раскроют.

— Не то что боимся. Это было бы для нас нежелательно, — снисходительно усмехнувшись, поправила Лика.

— Очевидно, что тот, кто это устроил, знает нас всех. И мы его тоже знаем, — продолжила Вероника. — Странно то, что мы втроем учимся вместе, а вот вы... — Вероника посмотрела на Лику.

— Можешь звать меня Лика.

— Да, Лика здесь явно тёмная лошадка.

— Не совсем, — усмехнулась она. — Вы должны знать мою сестру.

— Точно! Анжела! А я-то думаю, кого ты мне напоминаешь! — воскликнула Юля.

2. Юля, Вероника и Анжела

В любой ответственный день Юля просыпается и первым делом открывает занавески — проверить, что там за погода за окном. Чтобы всё получилось, нужно солнце, приветливое и тёплое — как знак удачи.

Стоял сентябрь. Тихий туман за окном не предвещал ничего выдающегося. День обещал быть долгим, и закончится он, скорее всего, ничем не лучше, чем любой другой за последние несколько месяцев.

В первый день после каникул в школе крайне важно себя проявить. Это всем известно. Чуть дашь слабинку — промучаешься весь год. В университете совсем другое дело. Никто не ждёт никаких чудес. Никого не привозят переполошённые родители, никто не грызёт нервно ногти. Все всех знают. Никто ни перед кем не выпендривается. На последнем курсе уже нечего бояться. Даже если ты последний неудачник, ты всё равно не боишься переступить порог университета. Бояться нужно неизвестности, а когда всем и так давно понятно, что ты за человек, то на тебя в худшем случае просто не обращают внимания. Никаких издевательств, подколов. Всё это давно осталось в школе и благополучно забылось с последним звонком.

Но Юля волновалась. За лето произошло много неприятного: неожиданный развод родителей, а потом, как результат — переезд в квартиру попроще. И если первое она восприняла более или менее спокойно (в наши дни развод — нормальное явление), то второе далось ей тяжело. И она пока не вполне уловила, почему на ней сказался этот развод. Тот самый случай, когда делов наделал кто-то другой, а платишь ты. Поэтому и причину она искала в себе.

Там, где она теперь жила, за окном протекали самые банальные жизни: дети шли в школу, женщины в цветных фартуках сортировали фрукты и овощи по ящикам, серая, безликая масса, не глядя по сторонам, вползала в метро. Было время, когда Юле было жаль тех, кто так скучно и однообразно живёт. Она говорила о них с пренебрежением, не веря в судьбу и обстоятельства. В конце концов, каждый сам творит свою судьбу, что посеешь, то и пожнёшь... Но Юлю угнетал сам факт, что она ежедневно видела эту жизнь изнутри — а значит, и сама ничем не отличается от этих людей. И это всё портило! Ведь чтобы творить великое, нужно с самого начала — с самой первой минуты, как продираешь глаза, ощущать, что ты лучший и что ты на своём месте — но это не всегда одно и то же. Юлю страшила сама мысль: вдруг она действительно на своём месте среди этой серости?

Она впервые ехала на учёбу на метро. Крепко ухватилась за поручень и всё равно еле-еле держала равновесие. Попыталась выгладеть естественно, как остальные пассажиры — нет, не получалось. Труднее всего было на остановках.

«Станция Серпуховская...»

К выходу ринулась толпа студентов. Юля с трудом удерживалась на ногах. И всё было нормально, пока какой-то парень, несмотря на интеллигентный вид, не ринулся напролом, отпихнув её назад. Он даже не заметил, что зацепил её шарф от «Гуччи», сдёрнул его на пол и поволок за собой.

«Осторожно, двери закрываются».

Юля смотрела, как шарф, будто в замедленной съёмке, змеёй, соскальзывает вниз, в тёмную пропасть между дверью и платформой. Да, не новый, да, прошлогодняя коллекция... но всё же!

Чья-то широкая спина загородила Юле обзор. Двери закрылись.

— Охренели совсем?!

Вопрос остался без ответа, но ей стало легче. Этот крик души рвался из неё на протяжении всей поездки.

— Нам на следующей надо выйти... — прозвучал возле самого уха голос — вроде бы и знакомый, но Юлия не могла вспомнить откуда.

Она огляделась. Казалось бы, все, кого она могла узнать, и главное — кто мог узнать её, — вышли на предыдущей станции...

— Привет!

— А, Анжела. Привет, — Юлия разочарованно фыркнула, — чего не вышла, пока был шанс?

— Хотела помочь.

Она засмеялась. В самом деле забавно: чем, интересно, может ей помочь эта замарашка?

— Да, в общем, вот...

Анжела протянула ей шарф, который, как ей казалось, улетел навсегда.

— Ладно, спасибо, — нехотя произнесла она. — На, поддержи.

Анжела послушно взяла сумку.

Юлия, зажав в зубах заколку, собрала волосы в пучок и заколола их на затылке. Она поймала себя на том, что ни за что не держится, но как-то умудряется балансировать. Кажется, она и впрямь становится такой же, как все...

На следующей станции они вышли вместе и пересели на поезд в обратную сторону.

Анжела заняла одно из двух пустующих мест, ожидая, что Юлия сядет рядом. Но она осталась стоять.

— Чего уставилась? — Юлия достала зеркальце. — С лицом что-то не так?

— Да нет, ты норм.

Это что, комплимент? От неё? От этой чумички, которая не умеет ни одеваться со вкусом, ни ухаживать

за собой? Носит какие-то мешковатые шмотки, стриётся коротко — издалека можно за парня принять. Даже голос низкий, хрипловатый, как у мальчишки. Вроде как у неё родители строгие — сектанты или типа того. И всё равно, даже с такими родителями можно выглядеть скромно, но не позорно. А Анжела... с ней точно что-то не так, и мама с папой ни при чём. Ещё и комплименты пытается говорить: ты, мол, норм! Это как если бы обезьяна сказала человеку: «А ты ничего так, сообразительный!»

— А я и не знала, что ты такая.

— Какая?

— Говорящая.

«Станция Серпуховская».

— Пошли, — Юля потянула за собой Анжелу. Выйдя из вагона, отпустила её руку.

Они шагали молча. На эскалаторе Юля встала на ступень выше, и Анжела, без того невысокая, теперь казалась совсем уж недомерком.

На этот случай она с первого курса всегда носила с собой плитку шоколада. Анжела не ходила в столовую, просто оставалась в аудитории и доставала шоколад, предлагая его всем, кто находился рядом. В остальное время она не делала никаких попыток с кем-то заговорить, кроме одногруппницы Кристины — единственной, кто с ней хоть как-то общался и поддерживал.

— Будешь? — спросила она.

— Ты больная, что ли? Нет, конечно!

Анжела пожала плечами. Ну и ладно...

И быстро умяла целую плитку.

— Я не завтракала, — Анжела ответила на вопрос, который ей не задавали.

Они вышли из метро, Юля чуть прибавила шаг, и Анжеле пришлось буквально бежать за ней.

Юля резко притормозила и посмотрела на спутницу с жалостью.

— Только давай, типа, этого не было, окей? Как будто мы с тобой утром вместе не ехали, понятно?

— А... — Анжела обречённо кивнула, она уже привыкла к подобному отношению, — хорошо.

Она снова спрятала глаза и перешла на медленный шаг. Юля, напротив, прибавила ходу, наслаждаясь после душного метро свежим утренним воздухом.

— Ника! — увидев подругу, радостно вскрикнула она и замахала рукой.

Они не виделись целое лето. Вероника слала ей фотографии с Лазурного Берега и нескончаемых фестивалей, а Юля в ответ — всего лишь из салона красоты, где теперь работала маникюршей её мама. Даже пришлось выдумать легенду про то, что «предки решили её за что-то там наказать, и она вынуждена была всё лето плавиться в Москве».

Вероника, скрестив стройные ноги, уже ждала её со стаканом кофе в одной руке, и с сигаретой — в другой. Её кожа, покрытая мурашками, была бледной, и не только от холода — девушка постоянно мазалась кремами от загара, опасаясь рака и преждевременных морщин.

— Спасибо, — Юля взяла из рук Вероники стакан. — А твой где?

— А я от кофе отказалась. Ты слышала, что сейчас говорят про кофеин?

Юля закатила глаза.

— То есть мне ты всё-таки предлагаешь продолжать травиться?

— Ох и скучала я по твоим язвительным комментариям, — ответила Вероника.

Вероника всегда ела только здоровую пищу без глютена, молока и сахара, ходила на бокс и пилатес, постоянно и с энтузиазмом вещала о вреде тех или иных продуктов, например кетчупа, при этом она постоянно курила. Идеальный кандидат на колумниста в женский журнал, не обременённый статьями о глобальных проблемах.

Если, конечно, не считать глобальными проблемами употребление сахара и цветные дублѐнки.

Они поприветствовали друг друга поцелуем в щѐчку, и Юля прикурила у Вероники.

— А мне показалось или ты шла сейчас с Анжелой? — хохотнула Вероника. — Она к тебе в подружки набивалась?

Юля не сразу нашлась с ответом.

— Анжела? — она нервно затянулась. — Точно! Всѐ пыталась вспомнить, как её зовут. Не смей меня. Просто попросила её сбегать и купить мне в подземке жвачку.

Вероника засмеялась громче.

— Молодец. Моя мама всегда говорит, что нужно учиться управлять людьми. Особенно такими, как Анжела. Если честно, я вообще не понимаю, как она дожила до четвёртого курса. Всѐ-таки это странно — учиться на журфаке и быть такой тихоней. Зачем она вообще сюда поступила?

— Чужая душа — потѐмки, — вспомнила Юля старую мудрость. — Хотя... Заглядывать в чужие души — это наша будущая профессия.

— Тоже верно, коллега, — согласилась Вероника.

— Кстати, а как у тебя с Андреем?

— Да никак, — Вероника пригладила волосы и, на минуту задумавшись, уставилась вдаль. — Потом. Вон он идёт, — Ника бросила окурок на асфальт и придавила его шпилькой.

Мимо них прошагали парни и вошли в ту же дверь, за которой скрылась Анжела.

* * *

Все уселись на привычные места, за столько лет ставшие родными.

— Ты не против, если я к Андрею? — произнесла Вероника.

Ей вроде и нужно с ним поговорить, и в то же время заметно, что делает это она это нехотя.

— Нет, конечно...

— Сейчас всё исправим.

Они всегда мирятся. Каждые каникулы разъезжаются по разным странам и не задают друг другу лишних вопросов. Играют в безразличие. Вероника вечно прикапывается к какой-нибудь ерунде, просто чтобы поругаться, и пожалуйста — всё лето никому ничего не должна. А в первый день учёбы всё возвращается на свои места. Это её уверенное «сейчас всё исправим». Красивым и богатым нужно держаться вместе.

К Юле так никто и не подсел. Каждый был занят своими делами и разговорами. Ребята не виделись целое лето, и у них скопилось много тем для обсуждения. Друг с другом — но не с ней...

Юля только сейчас стала осознавать, что за три года обучения не подружилась толком ни с кем, кроме Вероники. И раньше этого ей было вполне достаточно. Она оглянулась по сторонам. Как бы инфантильно и наивно это ни звучало, но то, что с ней сейчас происходит, — это просто нечестно. Разве она виновата, что стала заложницей разлада между родителями? Такие истории постоянно мусолят по телеку и в соцсетях, тема стара как мир, но с ней-то это как произошло? Отец, который всю жизнь баловал её и называл своей принцессой, просто забыл, что она есть? Что же будет дальше? Чего хорошего ждать от будущего? Из-за таких трудностей с родителями у людей обычно и начинаются проблемы...

Эта неопределённость опустошала. Но не оставалось ничего другого, кроме как ждать, пока всё нормализуется. Иначе и быть не может. Немного потерпеть — и всё вернётся к тому, как было. К тому, как должно быть. И будет. Обязательно будет. А первое время всегда самое тяжёлое.

Вероника уже всю ворковала с Андреем — видно, помирились или почти. Будто и не расставались. Юля это решение уважала и принимала. Но не понимала. Ей было не понять, ради чего было тянуть за собой ненужные ни одному, ни другому отношения, которые только уродуют людям жизни. Да и она, откровенно говоря, была уверена, что правила их игры выстроены не в пользу Вероники. Свободные отношения — это не по-женски.

Странная парочка — Катерина и Эмиль. В университете — отличники, в свободное время — уличные музыканты. Держатся всегда вместе, не расставаясь ни на минуту. Эмиль, правда, постоянно поглядывает на других девчонок. Хотя Катерина отнюдь не обижена природой и относится к тем счастливицам, которым всё дано: красота, талант, скромность... Что мужикам нужно — непонятно.

Или вот Анжела с Кристиной. Неясно, что этих двоих могло связывать. Кристина вроде нормальная девчонка, а Анжела... — это Анжела. Но они же общаются — и даже сейчас. Обсуждают что-то, перешёптываются...

Анжела тоже украдкой поглядывала на Юлю. Та, поймав её взгляд, быстро отвела глаза. Не хватало ещё, чтобы замарашка приняла её утреннюю вежливость за симпатию и стала набиваться ей в друзья. На всякий случай надо бы ещё раз прояснить Анжеле ситуацию.

В аудиторию вошла женщина-декан. Студенты даже не обернулись в её сторону. Выждав несколько минут, она хлопнула в ладоши, чтобы обратить на себя внимание.

— Ребята. Вы взрослые люди, давайте вести себя соответственно. Не заставляйте меня, пожалуйста, повышать голос. Я хочу вас поздравить. Последний год! Осталось совсем немного поднажать... Надеюсь, летом вы хорошенько отдохнули, потому что сейчас у вас начинается самое горячее время. У вас есть две недели на то, чтобы найти себе стажировку по специальности

и принести в деканат подтверждение. В газету, на телевидение — у кого куда получится! Главное — к концу учебного года представить приличный проект. А тем, кто позаботился о стажировке заранее, конечно, сейчас будет попроще. Есть такие?

Кристина подняла руку.

— Выскочка, — едва слышно фыркнула Вероника.

Студенты хихикнули.

— Всем бы такую целеустремлённость. Молодец, Кристина!

Женщина-декан направилась к двери, взялась за ручку, но вдруг обернулась:

— Юлия, зайдите, пожалуйста, ко мне после занятий.

* * *

День пролетел.

Кабинет декана, и без того просторный, казался вдвое больше из-за зеркала на полстены. Взглянув на своё отражение, Юля осталась довольна: дизайнерские джинсы сидели на ней идеально, а тугой пучок, в который были собраны волосы, максимально открывал её лицо, что очень шло ей.

Юля, понемногу успокоившаяся за учебный день, уже чувствовала себя в своей тарелке. Всё-таки возвращение в университет было сейчас кстати. Знакомые лица и разговоры на отвлечённые темы помогли забыть о домашних заморочках. Ей было приятно чувствовать себя прежней, без проблем и лихорадочных раздумий, где взять денег.

— Присаживайся, — декан жестом показала на кресло напротив стола и перешла к делу, — у тебя всё в порядке? Дома всё хорошо?

Вопрос прозвучал как-то нарочито. Ведётся какая-то игра. Знать бы зачем.

— Извините, я... не очень понимаю.

Женщина удручённо качнула головой и пристально посмотрела Юле прямо в лицо.

— Оплата за этот семестр на твоё имя не поступила, и я, хм, слышала, что тебе сейчас нелегко, но всё, что мы можем сделать, — ещё немного подождать. Дать тебе какое-то время. Но, к сожалению, это всё. Я бы с удовольствием впихнула тебя на бюджет, но эту программу закрыли...

Юля держалась спокойно. А декан внимательно наблюдала за ней.

— Нет, всё в порядке! — девушка беспечно пожала плечами, — Наверное, какая-то банковская ошибка. Может, я превысила месячный лимит, и нужно просто дождаться, пока банк одобрит следующую операцию...

Получилось ещё более наигранно и невнятно. Декан едва заметно вздохнула:

— Вот и хорошо. Тогда, да, можешь идти. А мы пождём.

Юля вышла из деканата с высоко поднятой головой. Похоже, она не разучилась убедительно врать. «Девочке нужна помощь», — глядя ей вслед, подумала декан.

Юля шла, и ей казалось, что их разговор с деканом мог слышать любой и все теперь на неё пялятся. Раз даже в деканате известно об её «ситуации», то и остальные, вероятно, подозревают.

Она поймала Анжелу около туалета. Как удачно, что она подвернулась под руку — ей необходимо было выплеснуть нахлынувшую агрессию.

В холле, кроме них, ни души.

— Эй! О чём это вы там шептались с Кристиной?

Анжела через плечо покосилась на неё, ухмыльнулась, и это взбесило Юлю ещё сильнее. Её положение не настолько плохо, чтобы позволять другим вот так вот плевать в её сторону.

В душе Юли бушевал вулкан. Как она смеет ухмыляться ей, эта уродина! Она с силой толкнула Анжелу

так, что та пошатнулась, а потом и вовсе упала, не удержав равновесия.

Этого ещё не хватало!

— Вставай давай, — Юля нехотя протянула руку.

А Анжела не из обидчивых. В её глазах ничего не изменилось — не появилось ни злости, ни страха.

Юлю это отрезвило. С чего она вдруг прицепилась к этой несчастной дурнушке?! Её даже затошнило от отвращения к самой себе. Её поведение играет против неё больше, чем внешние обстоятельства.

Переступить грани дозволенного ей не хотелось, а уж покалечить невзрачную однокурсницу точно не пойдёт на пользу её репутации.

Она сделала глубокий вдох.

— Ты извини меня за грубость... Как бы странно это ни звучало, сейчас ты — единственная, кто в курсе моих проблем. И, если честно, то это такое облегчение! Хоть с кем-то можно выдохнуть и расслабиться.

Юля потуже затянула пучок на затылке. Анжела смотрела на неё, будто ждала какого-то продолжения. Казалось, она видит её насквозь.

— Быть девушкой из общества и беззаботно порхать, как бабочка, не так просто. Тебе этого не понять, Анжелка. Ты вот изгой, и смирилась, даже не пытаешься ничего поменять.

Анжела молча таращилась на неё и, кажется, хотела что-то сказать, но не находила подходящих слов.

«Какое ещё общество?» — сказала Юля себе. Вот бредятина! Смешнее всего было серьёзное лицо, с которым это было сказано.

Теперь Юле показалось, что она переоценила интерес Анжелы к своей персоне. Есть люди, которым на уши можно вешать любую лапшу, и они будут её слушать, а если история интересная, то ещё и другим пересказывать. Но Анжела, казалось, совсем из другой категории,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru